

А. В. Мартынов,

доктор экономических наук, заместитель директора
Международного научно-исследовательского института
социального развития Всеобщей конфедерации профсоюзов
под эгидой ООН РАН
(Москва, Россия)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ – СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Автор доказывает приоритетность проведения технологической модернизации для будущего конкурентоспособного экономического развития России, обосновывает, что технологическую модернизацию в пространственно-временном измерении следует рассматривать как составную часть процесса экономической трансформации, показывает важнейшую роль институциональных реформ для формирования высокотехнологического уклада как в национальной экономике в целом, так и в ее отдельных секторах.

Ключевые слова: технологическая модернизация, теория трансформации, институциональные реформы, секторные реформы.

А. В. Мартинів (Росія)

**ТЕХНОЛОГІЧНА МОДЕРНІЗАЦІЯ –
СКЛАДОВА ЕКОНОМІЧНОЇ ТРАНСФОРМАЦІЇ**

Автор доводить пріоритетність проведення технологічної модернізації для майбутнього конкурентоспроможного економічного розвитку Росії, обґрунтовує, що технологічну модернізацію у просторово-часовому вимірі варто розглядати як складову процесу економічної трансформації, показує важливу роль інституціональних реформ для формування високотехнологічного укладу як у національній економіці в цілому, так і в її окремих секторах.

Ключові слова: технологічна модернізація, теорія трансформації, інституціональні реформи, секторні реформи.

A. V. Martynov (Russia)

**TECHNOLOGICAL MODERNIZATION –
A COMPONENT OF ECONOMIC TRANSFORMATION**

The author proves priority importance of realization of technological modernization for future competitive of economic development of Russia, proves, that the technological modernization in spatial-temporary measurement should be considered as a component of process of economic transformation, shows a major role institutional reforms for formation highly technological structure both national economy as a whole, and its separate sectors.

Key words: technological modernization, theory of transformation, institutional reform, sectoral reforms.

Постановка проблемы. Опыт 1990-х годов показал неприемлемость откладывания технологической модернизации ради скорейшей либерализации большинства рынков и ускоренной приватизации государственной собственности. По существу полностью игнорировалась всем известная рекомендация экономической теории – прежде чем осуществлять либерализацию внутреннего рынка, необходимо создать условия для достижения приемлемой конкурентоспособности собственных производителей, а для этого, в свою очередь, требуется в какой-то мере соответствовать мировому технологическому уровню. Такая неадекватная государственная политика продолжалась до самого последнего времени. Например, совсем недавняя практика показывает, что технологическая модернизация, хотя бы и в рамках существующей институциональной рыночной среды, могла бы развертываться до так называемого дерегулирования в электроэнергетике, а не наоборот.

Понимание невозможности автоматического ускорения технологического прогресса просто в ходе осуществления рыночных реформ пришло, хотя и с опозданием, достаточно давно. Но только в докризисный период 2006–2008 гг. произошли «точечные подвиги» в ходе реализации ряда инфраструктурных проектов и нескольких целевых программ. К сожалению, они не оказали ощутимого влияния на инновационную активность российских предприятий в большинстве рыночных сегментов. Технологическое отставание от ведущих стран мира продолжало усиливаться. Ныне необходимость перелома такой тенденции стала просто неотложной.

Анализ исследований и публикаций. Начнем с необходимой констатации. Проблематика экономической трансформации, коей еще несколько лет назад был посвящен огромный поток литературы, стала забываться. Многочисленные исследователи переключились на как бы «одобренную свыше» тему модернизации нашей

* Статья написана специально для научного журнала «Економічний часопис-XXI». Ее автор – **Мартынов Аркадий Владимирович** – известный российский ученый, автор более 100 научных работ по вопросам общей социологии, политологии и экономической политики, в том числе: «Системная трансформация и реалии постсоциалистического мира» (М.: УРСС, 2004), «Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире: методологический аспект» (М.: Комкнига, 2006), «Россия перед выбором: альтернативы системной трансформации» (М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2009).

национальной экономики, а затем и на темы модернизации в других сферах общественной жизни. Тем не менее, как мы постараемся показать, узловые вопросы технологической модернизации могут быть плодотворно переосмыслены именно в русле требований необходимых трансформационных преобразований.

Цель статьи – ознакомить читателя с концептуальным пониманием технологической модернизации как составляющего звена трансформации национальной экономики постсоветского типа.

Основные результаты исследования

О приоритете технологической модернизации.

Либеральные институциональные реформы первой половины 1990-х гг. не оказали благоприятного воздействия на технологическое развитие. Кардинальные институциональные сдвиги, изменившие отношения собственности и в целом социальную реальность наших граждан, в слабой степени оказались сопряжены с технологическими сдвигами. Как известно, происходивший в мире процесс распространения новых постиндустриальных технологий существенно не проявился в России: серьезное отставание в области наукоемких и высоких технологий и в целом научно-технического ресурсного потенциала от ведущих западных стран только усугубилось. Исключение представляют лишь отдельные информационные технологии и технологии некоторых новых видов вооружений.

В этой связи в широких общественных кругах наконец возникло понимание необходимости проводить более активную политику в отношении будущего экономического развития страны. Действительно, финансовое регулирование может обеспечить длительную экономическую стабильность – прежде всего, выражающуюся в приемлемом уровне инфляции и относительно высоком обменном курсе рубля. Однако разрешение долгосрочных проблем развития российской экономики и, в первую очередь, обеспечение ее должной конкурентоспособности на мировой арене при таком политическом курсе явно не предвидится.

Впрочем, за скорейшее осуществление технологической модернизации в ближайший послекризисный период ратуют далеко не все представители властвующей элиты. Часть из них откровенно выступает за сосредоточение главных усилий на восстановлении прежних высоких темпов экономического роста. Такая позиция определена надеждами на благоприятную мирохозяйственную конъюнктуру и, соответственно, укрепление позиций России на внешних рынках.

Пока динамика сырьевых рынков – главного источника доходов нашего государства – достаточно благоприятна. Во многом эта тенденция, по справедливому заключению специалистов, объясняется давно известным феноменом. Речь идет о широкомасштабном переливе избыточного финансового капитала, резко увеличившегося в результате громадных спекулятивных операций за период кризиса, на фьючерсные сырьевые рынки, где в настоящее время происходят практически все сделки с нефтью и другими стратегическими ресурсами¹. В полном соответствии с принципом рыночного равновесия рост цен на сырьевые ресурсы нейтрализует

увеличение денежного (кредитного) спроса на реальные активы, индуцируемое со стороны финансовой сферы и ее главных субъектов – крупнейших западных банков.

С учетом сказанного, понятен основной довод в пользу возобновления быстрого экономического роста в России, который прогнозировался (в частности, экспертами Всемирного банка) в текущем году на уровне более 4%. Суть дела состоит в возможности быстрого привлечения на российский рынок зарубежных кредитов, фактическим обеспечением которых выступают доходы от экспорта сырьевых ресурсов; в свою очередь, основным и одновременно наиболее привлекательным объектом зарубежного кредитования, исходя из критерия скорейшей окупаемости, оказывается торговая сфера, и особенно импорт товаров широкого потребления, инициирующий расширение выпуска потребительских товаров и на внутреннем рынке. И такой процесс происходит полным ходом – судя по огромным зарубежным кредитам, получаемым «Газпромом», «Роснефтью» и другими крупнейшими российскими корпорациями, быстрому росту товарооборота и восстановлению потенциала созданной огромной торговой инфраструктуры (по уровню ее развития Россия превзошла целый ряд европейских стран).

Однако возобновление устойчивого экономического роста в нашей стране возможно лишь при возникновении нового потребительского бума. Произойдет ли он – наверное, на этот вопрос можно ответить утвердительно в случае выполнения ряда условий. Наиболее значимое из них заключается в сохранении благоприятной динамики мировых сырьевых рынков и мирового хозяйства в целом. Оптимизм в данном вопросе, стоит заметить, явно поубавился на фоне произошедших финансовых потрясений в еврозоне.

Но самое главное, конечно, в другом. Возврат к прежней, так сказать, докризисной модели экономического роста однозначно будет означать консервацию «торгово-сырьевого» приоритета в распределении национального капитала. Неизбежно торговля потребительским ширпотребом и сырьевые рынки останутся наиболее привлекательными объектами притяжения капитала, особенно того, которым располагают крупнейшие российские корпорации и связанные с ними коммерческие банки. В таких условиях развитие инновационной сферы и высокотехнологичного сектора промышленности и материальных услуг будет осуществляться главным образом за счет государственной поддержки при второстепенной роли частного бизнеса. Но весь мировой опыт свидетельствует о бесперспективности такой политики в области технологической модернизации. Для корпоративного бизнеса и независимого предпринимательства должны быть созданы мощные рыночные стимулы к самому активному участию в инновационной переориентации российской экономики. А это означает неприемлемость откладывания усилий по проведению всесторонней технологической модернизации на будущий период предполагаемого устойчивого общеэкономического подъема, который наступит далеко не завтра.

Трансформационная трактовка модернизации.

Для операционного исследования, прежде всего в пространственно-временном измерении, процесса модер-

¹ По оценкам, получаемая на фьючерсном рынке маржа в виде разницы между ценой и реальной, «товарной» стоимостью нефтяных продуктов резко увеличилась. Если десять лет назад она составляла примерно 30–40% от цены, то к 2008 г. достигла 75% (см.: Шафраник Юрий. Глобальная энергетика и Россия. Аналитические записки, 2010, январь-март).

низации необходима его структуризация. Это становится достижимым посредством обращения к теории трансформации социальной системы. Предметом теории трансформации как раз являются закономерности социальных структурных изменений, проявляющиеся в технологических и институциональных, а с ними – ресурсных и организационно-поведенческих трансформациях.

С позиции теории трансформации технологическое (инновационно-технологическое) поле является относительно автономным от других полей социальных действий (экономического, политического и др.), поскольку деятельность по созданию и распространению новых технологий принципиально отличается от обычных социальных практик. Тем самым непосредственным источником модернизации логично полагать технологические трансформационные перемены, инициирующие структурные сдвиги других типов – ресурсные, организационно-поведенческие и, конечно, институциональные. Результаты этих взаимосвязанных сдвигов отражают итоги модернизационных преобразований на основных полях социальных действий за границами технологического поля.

В частности, технологическую модернизацию на экономическом (именно экономическом!) поле правомерно рассматривать как трансформационный процесс, происходящий под воздействием технологических перемен в рамках существующей хозяйственной среды и сопутствующих им институциональных и прочих сдвигов. Тем самым по существу данный процесс представляет собой составную часть процесса экономической трансформации.

Принципиальную значимость имеет адекватное представление трансформационного процесса модернизации во времени применительно к социальной (макросоциальной) системе определенной страны. Вполне логичным представляется сугубо прагматический подход к периодизации сроков модернизации. Он заключается в выявлении фактических временных стадий коренных сдвигов в ходе сугубо технологической модернизации, поддающейся достаточно точной квантификации.

Результаты конкретных исследований однозначно свидетельствуют о многостадиальном характере процесса коренной технологической модернизации. Так, обращаясь к историческому опыту России и ряда европейских стран, можно выделить, по крайней мере, три стадии индустриальной технологической модернизации. Первая – доиндустриальная модернизация – по своему содержанию соответствует классической модернизации в ходе Промышленной революции; вторая – раннеиндустриальная модернизация в XIX веке; третья – позднеиндустриальная модернизация в начале прошедшего XX века.

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что временные сроки индустриальной модернизации существенно отличались по разным странам. Наиболее явственно это выразилось в феномене долговременного «запаздывания» коренных технологических переворотов в большинстве стран, в их числе Германии и России, относительно стран-лидеров (Великобритании, а затем США).

Уместно напомнить, что теоретическая основа концепции догоняющей технологической модернизации была представлена в эпохальной работе Фридриха Ли-

ста «Национальная система политической экономии». В России эта концепция получила особую известность через 50 лет в период поступательного развития российского капитализма – благодаря столь же знаменитой статье Сергея Витте «Национальная экономия и Фридрих Лист». Наиболее значимый вывод из аргументации Листа, носившей конкретный характер применительно к условиям становления капитализма в Германии в конце первой половины XIX века, сводился к целесообразности ускоренных прогрессивных преобразований в промышленности для достижения экономического паритета с наиболее передовыми на тот момент капиталистическими странами, в первую очередь Великобританией. Ключевая роль в решении этой проблемы отводилась средствам государственного протекционизма национальной промышленности, то есть промышленной политике в современном понимании этого термина.

Реалии мирового развития в XXI веке свидетельствуют о сохранении значимого технологического отставания одних стран от других. Тем самым императив догоняющей модернизации стоит перед многими странами, в их числе и Россией.

Принципиально важен и следующий момент. Догоняющая модернизация представляет собой совсем не эволюционный процесс, когда имеет место перелом ранее сложившихся тенденций технологических и институциональных перемен. Это означает, что знаковой чертой процесса догоняющей модернизации выступает превалирование дискретных технологических сдвигов. Им сопутствуют также заведомо дискретные институциональные перемены, в том числе в области государственного устройства.

«Модернизационный рывок» как первоочередной императив трансформации российской экономики на ближайшую перспективу. Как следует из представленного главой правительства России официального документа «Основные направления антикризисных действий правительства Российской Федерации на 2010 год», в самой ближайшей перспективе требуется осуществить «модернизационный рывок», то есть, по сути дела, догоняющую модернизацию. Ее результатом призван стать выход на давно прокламируемую траекторию инновационного социально ориентированного развития.

Главная проблема, конечно, заключается в институциональном обеспечении эффективных технологических инноваций. Ее разрешение предполагает кардинальное преобразование действующих институциональных механизмов, предопределяющих результаты инновационной деятельности. Эти неэффективные, хотя и рыночные, механизмы, сформировавшиеся в итоге предшествующей системной трансформации в нашей стране, существенно различаются по разным секторам экономики. Тем самым по существу намеченный «модернизационный рывок» должен включать в себя спрессованные во времени и сопутствующие технологическим инновациям институциональные преобразования, специфицированные по отдельным секторам.

Догоняющая модернизация означает необходимость масштабных дискретных решений. Именно дискретные технологические перемены, притом весьма специфицированные в рамках определенных секторов национальной экономики, представляют собой главное содержание процесса догоняющей модернизации. Их

непосредственным ориентиром выступают целевые ориентиры преобразования структуры национальной экономики. А это, в свою очередь, означает неизбежность активного государственного вмешательства как в процесс технологической трансформации, так и в непосредственно сопутствующий ему процесс специфических институциональных преобразований.

В данной связи нельзя не обратить внимания на тот широкий резонанс, который вызвали озвученные в этом году предложения экспертов ЕС в рамках программы «Партнерство для модернизации». Ряд из этих предложений заслуживает всяческого внимания и, возможно, практического применения. В то же время можно утверждать, что только применения известных кредитных и финансовых стимуляторов и дестимуляторов недостаточно.

Одновременно должна продолжаться относительно автономная от технологической модернизации внутрисистемная экономическая трансформация, основу которой представляет изменение корневых институтов собственности и координации. Речь идет главным образом об институциональных экономических реформах на макроуровне.

В русле продолжения внутрисистемной трансформации узловое значение, как показывают многочисленные факты, приобретает осуществление секторных институциональных реформ. Игнорирование в ходе проведенной радикальной рыночной либерализации и приватизации ранее сложившихся деформаций структуры нашего народного хозяйства, унаследованных от прошлой социалистической эпохи, сделало невозможным единовременное выполнение успешных институциональных реформ в разных секторах экономики. В целом ряде секторов необходимые в ближайшей перспективе институциональные преобразования должны быть самыми глубокими, кардинальными.

В развитие сказанного резонно сфокусировать внимание на взаимосвязанных узловых вопросах технологической модернизации и параллельно происходящих институциональных экономических преобразованиях в ходе этих структурных реформ.

Начнем с инновационной сферы. Официально объявлено о пяти основных направлениях технологической модернизации в России. Это – энергоэффективность и энергосбережение; ядерные технологии; космические технологии, в том числе инфраструктура передачи всех видов информации; медицинские технологии и, прежде всего, диагностическое оборудование и лекарственные средства; стратегические информационные технологии, включая создание суперкомпьютеров и разработку их программного обеспечения.

К сожалению, в настоящее время основной упор делается на инновационные проекты, выполняемые за счет государственной поддержки крупнейшими, хорошо известными российскими корпорациями. Но есть основания предполагать, что раздача «слонов», производившаяся через Президентскую комиссию по модернизации, не приведет к серьезным позитивным сдвигам в национальном масштабе.

Хотелось бы подчеркнуть со всей определенностью, что гигантомания в инновационной сфере совершенно неприемлема. Весь мировой опыт свидетельствует в пользу «компактности» венчурного бизнеса, для которого характерно превалирование небольших творческих коллективов единомышленников.

Критическое значение для успеха модернизационного рывка будет иметь распространение малых венчурных фирм при вузовских центрах. Вне всякого сомнения, процесс распространения гибкого венчурного бизнеса наберет высокие обороты только при условии повышения качественного научно-инновационного потенциала самих вузов, что предполагает кардинальное сокращения их числа – естественно, за счет тех, которые не дают настоящего образования. Социальные издержки такого жесткого реформирования образовательной сферы могут быть с лихвой компенсированы посредством быстрого запуска механизмов непрерывного образования, обеспечивающего повышение эффективности человеческого капитала.

В дополнение к этому в практическом плане, в первую очередь, потребуется добиться порядкового увеличения научных стипендий и грантов и одновременно внедрить надежные механизмы защиты интеллектуальной собственности. Нет альтернативы и созданию институциональных и организационных условий для привлечения и закрепления в инновационной сфере и постиндустриальном секторе талантливых молодых специалистов. Тогда новое поколение по-настоящему образованных технократов утвердит себя и, вероятно, будет играть уже в обозримом будущем центральную роль на общественной авансцене.

Выполнение императива развития национальной инновационной системы явно неправомерно сводить к политике всяческого протекционизма собственных инноваторов относительно зарубежных. Такого рода политика, судя по многочисленным примерам, будет сопряжена с бюрократическим признанием результатов технологических инноваций, но отнюдь не с их признанием на реально функционирующих инновационных рынках.

Ни для кого не секрет, что в России очень низкая степень коммерциализации инноваций – она составляет менее 30%, в то время как в западных странах этот показатель достигает 90%. Исправлению сложившейся ситуации могут способствовать институциональные преобразования в ходе общесистемной экономической трансформации, в первую очередь, направленные на решение двух важнейших задач. Первая задача – окончательное освобождение от ведомственных пут барьеров инновационно-технологических центров, действующих в оборонном комплексе (как известно, масштабы производства наукоемкой гражданской продукции в нем остаются мизерными). Вторая задача – спрессованное во времени формирование необходимых институтов (правовых и иных регламентаций) и адекватных разнообразных организационных структур для развития венчурного бизнеса в самих гражданских отраслях. Тогда могут быть преодолены институциональные барьеры, способствующие возникновению феномена «блокировки» наиболее предпочтительных технологических инноваций.

Результаты решения этих задач должны проявиться в долгожданном быстром росте высокотехнологичного сектора. Заглавную роль в нем, по широко признанному мнению, призваны играть крупные, в значительной части военно-промышленные корпорации. Используя преимущества горизонтальной и особенно вертикальной интеграции, они в состоянии обеспечить внедрение и тиражирование наиболее затребованных сегодня новейших технологических достижений.

В то же время имеет смысл признать, что огосударствление высокотехнологического сектора неприемлемо. Постепенно в его состав должны войти и многие сектора сугубо гражданской экономики, и ряд видов социального предпринимательства. А для этого потребуются скорейшее формирование необходимых институтов для развития независимого венчурного бизнеса и частного предпринимательства в гражданских высокотехнологических отраслях.

Технологическая модернизация давно назрела и в энергетическом секторе. Следует заметить, что в последние годы наблюдался незначительный рост эффективности инвестиций в сырьевую сферу большинства экономик стран СНГ. Исключение – Азербайджан, где была проведена технологическая модернизация добывающей промышленности. Заметим, что большой успех «нефтяной» модернизации в Азербайджане определенно стал образцом для подражания в СНГ.

Исходя из своих национальных интересов, Россия призвана остаться ведущей энергетической державой. Но для этого требуется добиться кардинального, по крайней мере, двукратного снижения энергоемкости ВВП за счет как разработки и внедрения энергосберегающих постиндустриальных технологий, так и снижения доли энергоемких отраслей экономики. При этом глобальное изменение климата и усиление негативного воздействия на окружающую среду обуславливают потребность в максимальном использовании возобновляемых источников энергии (ВИЭ), к которым относятся: солнечная, ветровая, геотермальная, водородная, приливная. По мнению специалистов, в нашей стране в ближайшие 10 лет есть широкие возможности для увеличения производства электроэнергии на основе альтернативных возобновляемых источников в десятки раз.

По уровню технологической эффективности все отрасли ТЭКа существенно отстают от соответствующего уровня в зарубежных индустриально развитых странах. Поэтому предпринимаемые в настоящее время усилия государства по поддержке проектов ускоренного внедрения новых технологий, в том числе все тех же ресурсосберегающих, в сырьевых отраслях определенно заслуживают одобрения. Лучше поздно, чем никогда...

Особенно, как показывают международные сравнения, неэффективны применяемые в нашей стране технологии переработки нефти в конечный продукт. Однако отечественные компании в условиях улучшающейся мирохозяйственной конъюнктуры увеличивают добычу нефти (Россия, заметим в скобках, по-прежнему экспортирует в сыром и «полуфабрикатном» виде три четверти добываемой нефти), продолжая до предела эксплуатировать устаревшее оборудование, которое в любой момент может вызвать масштабные экологические катастрофы. Достаточно сказать, что в США, где глубокая переработка нефти является нормой, из тонны нефти получают 440 литров бензина, в России – всего 140.

Сохраняющееся технологическое отставание красноречиво свидетельствует о несостоятельности реально действующей институциональной модели в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК). Частный капитал, а фактически капитал нескольких российских олигархов-миллиардеров, оказался, судя хотя бы по заключению главы нашего правительства, несостоятельным с точки зрения результатов инновационной деятельности. Увы, приходится констатировать, что такое понимание приходит к кругам правящей элиты только сейчас, по про-

шествии 18 лет (!) с начала радикальной рыночной реформы.

По единодушному заключению, в сырьевых отраслях отсутствует должная конкуренция, здесь фактически имеет место олигополистический раздел рынка. Так, в нефтяной отрасли ведущие компании, в первую очередь из большой четверки (ЛУКОЙЛ, ТНК-ВР, «Роснефть», «Газпром нефть»), в своей деятельности на территории России нередко прибегают к ценовому сговору. В 2009 году Федеральная антимонопольная служба неоднократно уличала их в намеренном изъятии топлива из обращения ради искусственного разогрева цен на бензин. Однако практически все судебные иски завершались в пользу отечественных олигополистов. Именно высокие цены на бензин представляют собой один из главных факторов инфляции, обуславливающей возрастание стоимости перевозок грузов и пассажиров и в целом удорожание товаров и услуг. Особенно это касается продукции отечественных производителей в аграрном секторе.

Выход из положения заключается в системных институциональных преобразованиях в рассматриваемом секторе, затрагивающих корневые институты собственности и координации.

В кардинальном реформировании нуждаются действующие институты ценовой и налоговой политики (в частности, инструмента реинвестирования прибыли), которые следует переориентировать на повышение производственной эффективности и экономически справедливое распределение доходов. Очень убедительной представляется и аргументация в пользу скорейшего возрождения института концессии и принятия нового, соответствующего реалиям мирового развития закона, регулирующего договорные отношения между государством и бизнесом в области недропользования.

Еще более радикальными должны стать решения, направленные на изменение институтов собственности в сырьевой сфере. Капиталы олигархов надлежит вывести из рынка, для чего в сырьевых отраслях потребуются осуществление в широких масштабах справедливой рекапитализации. Жалование высших менеджеров крупнейших корпораций необходимо привести в соответствие с принятыми международными стандартами. Одновременно должно стать невозможным превращение этих менеджеров во владельцев миллиардных активов своих компаний.

Подчеркнем со всей определенностью, что речь идет совсем не о смене отношений собственности и возврате к советскому социализму. Суть дела состоит в преодолении сверхдоходности сырьевых рынков, выступающей главным тормозом на пути успешного развития нашей экономики.

Институциональное реформирование в обозначенном направлении приведет к формированию принципиально иной модели энергетического сектора. Она будет иметь большое сходство со «смешанной» моделью развития энергетического сектора, действующей в Норвегии, а теперь, по всей видимости, и в Казахстане. Отличительной чертой этой модели является активное государственное участие и равноправное партнерство с частными компаниями – как транснациональными, так и относительно небольшими. Как известно, норвежское правительство занимает лидирующие позиции в нефтяном секторе страны. Так, 71% компании *Statoil* принадлежит государству, которое через эту структуру контро-

лирует 60% всего нефтяного и газового рынка страны. Множество международных нефтяных компаний – крупнейших и относительно небольших – присутствуют на континентальном шельфе, однако все они должны согласовывать свои действия и работать вместе с *Statoil*. Таким путем достигается максимально возможное присутствие в отрасли частного неолигополистического бизнеса и приемлемый конкурентный порядок.

Имеет смысл акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. В последнее время в сырьевой сектор норвежской экономики широко привлекаются малые компании. По мнению специалистов, небольшие фирмы более выгодны для нефтяного сектора Норвегии, поскольку они заинтересованы в разработке месторождений, в которых крупные компании не видят больших выгод. И как показывает отечественная практика, эффект экономии на масштабах не действует на локальных нефтяных рынках. Тем самым возможность появления и утверждения средних нефтяных компаний вполне реальна. В этом случае будет сделан чрезвычайно важный шаг в сторону демополизации отечественной «нефтянки».

Крайне весомое значение для всего нашего общества имеет модернизация в широком смысле сектора ЖКХ, который функционирует крайне неэффективно. Внедрение новых современных технологий, особенно ресурсосберегающих, и скорейшее обновление устаревшего оборудования в жилищной сфере стало просто безальтернативным. Дальнейшее промедление, учитывая почти катастрофическое сокращение бюджетных ассигнований (на 25%) на содержание ЖКХ в 2009 году, грозит обернуться огромными аварийными издержками. А это означает необходимость изыскания ресурсов, прежде всего – со стороны государства, для выполнения целой массы как инновационных (внедренческих), так и инвестиционных («тиражирующих») проектов.

Вместе с тем улучшение качества жилищных услуг, памятуя о современных рыночных реалиях, невозможно и без институциональных новаций, непосредственно не связанных с технологическими решениями. Необходимо признать, что приближение жилищных услуг к современным стандартам определенно предполагает постепенное повышение тарифов по оплате жилья. Но такое станет возможным исключительно в посткризисной перспективе. Сейчас же, в условиях продолжающегося кризиса, и в ближайшей после кризиса перспективе социальные потери, связанные с такой реформой, будут неприемлемо высоки.

Следует признать, что постиндустриальная высокотехнологичная экономика неизбежно имеет ограниченное распространение. Нужно иметь в виду, что на повестке дня со всей остротой стоят и задачи технологической модернизации отраслей так называемой традиционной экономики, в их числе сельского хозяйства. В России, как и в Беларуси, Украине и Армении, правомерно прогнозировать восстановление традиционных сельскохозяйственных отраслей на новой технологической базе. Тогда станут реальными кардинальные сдвиги в структуре занятости населения в ходе становления модернизированной в широком смысле экономики.

Давно назревший технологический переворот в традиционных отраслях не может не сопровождаться системными институциональными подвижками. И в перспективе специфика рассматриваемого сектора, по всей видимости, будет проявляться в его существенно огра-

ниченной либерализации. Да и сама тенденция институциональных изменений представляется не однонаправленной. Иначе говоря, решения по либерализации отдельных экономических институтов будут сочетаться с усилением некоторых инструментов государственного регулирования (в частности, касающихся контроля качества и соблюдения технических стандартов). Итогом технологических и институциональных перемен в рамках данного сектора призвано стать кардинальное повышение качества обиходных потребительских товаров, особенно продуктов питания. Пока же преобладает тенденция быстрого приближения внутренних цен на продукты питания и другие товары широкого спроса к мировым ценам при сохранении их невысокого качества.

Разумеется, осуществление коренных секторных реформ предполагает поддержание устойчивой макроэкономической стабильности. В данной связи нельзя обойти вниманием проблему финансирования инвестиций в ходе кардинальной технологической модернизации. Даже по официальным оценкам, потребность в инвестициях на модернизацию оценивается в \$14 млрд. Заведомая ограниченность финансовых ресурсов, в том числе путем внешних заимствований, обуславливает необходимость кардинального повышения рыночной (не отчетной для инстанций!) эффективности большинства инвестиционных проектов, направленных на реализацию технологических инноваций – иного пути просто нет. Первостепенная роль в решении этой задачи отводится созданию институтов развития, что предполагает их самое быстрое становление именно как новейших рыночных институтов.

Давно стало понятно, что закон выравнивания нормы прибыли фактически не действует в условиях современного несовершенного рынка, тем более, национального российского. Так, до последнего времени рентабельность продукции Газпрома составляла 60%, в то время как в машиностроительных отраслях она не превышала 10%. Как следствие, существующий рынок капитала продолжает оставаться благоприятным полем для спекулятивных финансовых операций. При этом существует реальная опасность масштабного вовлечения спекулятивного капитала именно в венчурный бизнес.

Для преодоления такого негативного положения дел определенно требуется дополнительное реформирование финансовых рынков в ходе еще одной намеченной структурной реформы – преобразования национальной финансовой системы. Она становится просто безотлагательной на фоне проводимых мер по финансовому регулированию в США и ЕС.

Конечно, на результаты секторных реформ сильное влияние будут оказывать общесистемные институциональные реформы. И в первую очередь, начатая реформа государственных корпораций, которая повлечет за собой дальнейшее изменение структуры собственности.

Как известно, планы акционирования крупнейших российских государственных корпораций вызывают критику со стороны очень широкого круга специалистов. Достаточно только упомянуть о полемике вокруг приватизации «Мосводоканала». Главный довод противников этой реформы очевиден. Осуществление намеченных приватизационных программ приведет к сохранению сверхпривилегированного положения крупнейших корпораций и одновременно к переходу основной части собственности в руки высших менеджеров, которым тогда ничто не помешает превратиться в новых олигархов.

Наряду с этим прогнозируется дальнейшее увеличение размаха спекуляций на фондовом рынке с активами именно крупнейших корпораций.

Тем не менее, можно считать преобладающей следующую точку зрения – в целом в обозримой перспективе объективно необходимы дальнейшее дерегулирование, разукрупнение и одновременная приватизация в реальной сфере отечественной экономики. Эти процессы окажут стимулирующее воздействие на предпринимательскую и, конечно, инновационную активность. Тогда следует ожидать спонтанных институциональных новаций, в частности, касающихся изменения неформальных отношений подчинения в бизнес-среде. При этом имеет смысл акцентировать внимание на следующем моменте. Приближение внутренних цен к мировым ценам во многих рыночных секторах, которое обязательно произойдет в случае осуществления новых приватизационных планов, отнюдь не обязательно влечет за собой повышение эффективности обычных, так называемых рутинных технологий и, тем более, отнюдь не открывает дорогу для авангардных технологических инноваций.

Наконец, в кардинальном обновлении нуждаются ранее принятые стратегии развития большинства российских регионов. По этой причине предпринимаемые в последнее время усилия федеральных и региональных властей в данном направлении представляются вполне оправданными.

Выводы. В ближайшей перспективе потребуются скоординированное осуществление глубоких структурных реформ, направленных на реализацию коренной технологической модернизации и системной институциональной экономической трансформации, в свою очередь, зависящей от глобализационных институциональных перемен (см. схему). Один из уроков последних десятилетий состоит в том, что эти макротрансформационные сдвиги не должны препятствовать друг другу. Тем самым на повестку дня выдвигается сложная проблема согласования общенациональной техно-

логической модернизации и дальнейших системных преобразований экономических институтов. Для ее разрешения требуются разные и в то же время скоординированные инструменты политического вмешательства со стороны государства и негосударственных общественных организаций.

В известном смысле, в условиях ускоренной догоняющей модернизации системные институциональные преобразования призваны быть не ведущими, а ведомыми. С одной стороны, необходимая, хотя и очень запоздавшая технологическая модернизация становится приоритетной. Институциональные экономические новации ни в коей мере не должны препятствовать максимальной переориентации рыночной деятельности и соответственно концентрации интеллектуальных, материальных и финансовых ресурсов на выполнении технологических модернизационных сдвигов. С другой стороны, совершенно недопустимо бросаться в крайность «технологизма». Многообразные институциональные реформы, в том числе административная, не должны быть отложены на неопределенный срок. Они требуют постоянного продолжения, хотя и при меньших финансовых и прочих ресурсных затратах.

В связи со сказанным совсем не вызывает оптимизма такой пропагандистский подход к теме модернизации, когда принципиально разные проблемы не разграничиваются, их специфика не учитывается, допускается возможность одновременной модернизации всего и вся. Еще более удручает то, что повторяется, как и в период «перестройки», практика проведения реформ без оценки эффективности политических методов реформаторства.

Литература

1. Лист Ф. Национальная система политической экономии / Ф. Лист. – М. : Европа, 2005. Репринтное издание 1891 года.
2. Economic nationalism in a globalizing world. – Ithaca and London, 2005.
3. Кафель М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000.
4. Голиченко О. Г. Национальная инновационная система России. Состояние и пути ее развития / О. Г. Голиченко. – М. : Наука, 2006.
5. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
6. Колесник И. В. Совершенствование политики в сфере минерально-сырьевой базы в целях экономического развития России / И. В. Колесник, А. В. Кондаков, Е. С. Сазонова // Материалы экономического собрания. – М. : Научный эксперт, 2008.

Основные линии взаимодействия технологической и системной экономической трансформации в России

Источник: Схема составлена автором

Статья надійшла до редакції 28 вересня 2010 року